

Глава 27. Простейшее решение.

Подозрения Аласова насчёт «процентов» подтвердились неожиданным образом.

Уроки кончились, Аласов устанавливал на стеллаже исторические карты, когда прибежал к завучу Евсей Сектяев, растрёпанный, с лихорадочно румяными щеками. Они заспорили, Евсей и Пестряков, потом Нахов, как всегда, подоспел «на огонёк».

Аласов, занятый своим, поначалу даже не прислушивался, о чём они там. И вдруг уловил фразу, будто им самим произнесённую:

— Завышать оценки безнравственно! Это значит развращать ребят...

Сектяев энергично размахивал тетрадкой:

— Зачем стараться, бояться двоек и «колов», если их всё равно переделают в тройки и четвёрки! Сердобольный Роман Михайлович натянет.

Роман Михайлович Сосин стоял у окна и при имени своём даже не оборотился, будто в школе не один он Роман Михайлович. Однако со стороны видно было, как вздрогнула его худая, с прочерченными лопатками спина.

У Кылбанова, оказывается, были свои последователи, умельцы выдавать чёрное за белое.

— Вы только взгляните на эту работу! — продолжал Сектяев, всё больше горячась, и растопыренными пальцами чесанул кверху мешавшие ему волосы. — Посмотрите: стоит тройка, но ни одной верно решённой задачи. Никакого представления о дробях. Чистый «кол», а Сосин выводит тройку... Как классный руководитель я подписываться под этим отказываюсь.

— Святое очковтирательство! — подтвердил Нахов. — Где-нибудь на заводе за эту показуху к ответу бы!

— Однако что вы-то молчите, Роман Михайлович? — не выдержал, вмешался Аласов. — Роман Михайлович, а Роман Михайлович? Скажите что-либо в ответ, объяснитесь с товарищами...

Спина Сосина ещё раз передёрнулась.

— Товарищи, товарищи! — постучал Пестряков по столу. — Уроки кончились, завтра будет новый день. Утро вечера мудренее. Не будем устраивать митингов. То, что вы нам сообщили, товарищ Сектяев, принято к сведению. Обязанность руководства школы спокойно разобраться, почему завышена оценка одному из учеников. До завтра, товарищи!

На дворе была метель, третий день она хлестала по окнам, каждому хотелось поскорей добраться до домашнего тепла. И когда завуч изрёк мудрое «утро вечера», учителя сейчас же расхватили пальто и портфели. Скоро учительская опустела.

У стола завуча остался один только Аласов. За фанерной перегородкой в своём кабинетике покашливал и пофыркивал Фёдор Баглаевич — будто морж в проруби.

Пестряков поднял на Аласова глаза:

— Вы с чем-нибудь ко мне, Сергей Эргисович? Сегодня я, простите...

— Я ненадолго, — сказал Аласов и крикнул в директорскую: — Фёдор Баглаевич, можно вас на минутку? Садитесь, — сказал он Кубарову, когда тот появился; директор недоумённо поморгал, но тем не менее сел.

— Что здесь происходит? — спросил Пестряков, сняв очки и сощурился глазами. — Да объясните же, Сергей Эргисович!

— Я обязан поговорить с вами.

— Вы — с нами? Откройте тайну, Сергей Эргисович, уж не сделали ли вас за последние двадцать четыре часа заведующим роно? По какому праву вы созываете это совещание во главе с самим собою?

— Мы трое — коммунисты. Хочу поговорить с вами, членами нашей парторганизации.

Тимир Иванович даже головой покрутил.

— Знаете, Сергей Эргисович, у меня нет уже ни сил, ни желания заниматься вашими разговорами. Я сыт ими по горло. И вся школа давно сыта. Могли бы это заметить, если вы наблюдательный человек...

— И тем не менее вы меня выслушаете!

— Послушаем, Тимир Иванович, — смирился директор.

— Не буду снова поднимать всё, о многом я говорил на педсовете, хотя история с Саргыланой Кустуровой из головы не идёт. Как мотыгой по живым росткам! Логика трусов: «Дай волю учителям, что-то они учудят!»

— Что за демагогия! У вас есть факты? Или вы так и будете ехать на общих фразах?..

— Хорошо, оставим это. О деле. В нашей школе бесстыдно ведутся приписки. Этому нужно положить конец! Мы подрываем в детях веру в самую справедливость!..

— Фёдор Баглаевич, — Пестряков вскочил из-за стола, щёлкнул замком портфеля. — Уволь меня, пожалуйста, от популярных лекций в ночной час. А вы, Сергей Эргисович, постыдились бы. Не забывайте, что перед вами сидят не ребята, а ваши учителя. И газеты мы читаем внимательно... Ради того, чтобы сказать о «вере в справедливость», вы нас и задержали?

— Оставьте, — сказал Аласов угрюмо. — Не берите горлом, сейчас это не пройдёт. Ничего, кроме дела. Я говорю о «процентной кампании» и требую прямого ответа...

— «Требую»... Слышишь, Фёдор Баглаевич, он от нас требует! Хорошо, объяснимся начистоту. Учебная программа вам — как гири на ногах. А для нас программа — закон! И всегда будет законом, как бы вам ни хотелось заниматься на уроках вырезками из журналов да анекдотами, кто во что горазд, кого на что хватит! Впрочем, что я говорю об этом опытному, судя по документам, учителю. Вы могли бы сидеть и на моём месте, и на месте вот Фёдора Баглаевича. Жаль, что не мы эти вопросы решаем. Но вернёмся к делу. Вы, Сергей Эргисович Аласов, чуть ли не с самого своего появления создаёте нервную обстановку в школе. Раздуваете жар вокруг уроков молодой учительницы Кустуровой: «волшебники», «панцирь Дантеса»... Вам приятна роль заступника за молодых, за дерзающих. Роль негибачего борца против завуча Пестрякова, консерватора и буквоеда. А того не представляете, что, может, и Пестрякову всё это было бы приятно... Да, и он бы с удовольствием покопался бы в газетных курьёзах и похлопывал бы по плечу дерзкую молодость. Но, к сожалению, я на должности, уважаемый товарищ Аласов. Я завуч. Если угодно, представитель государственных интересов, госконтроль в школе. За это, собственно, я и получаю зарплату. Есть законы школьного производства, и я обязан их защищать всеми возможными способами, нравлюсь или не нравлюсь я вам в подобном качестве. Вот так. Через полчаса я должен быть уже дома — у меня, знаете ли, жена, дети... Недосуг, к сожалению. Впрочем, ещё кое-что я вам всё-таки обязан сказать.

Пестряков помедлил, собираясь с мыслями, поправил очки на переносице. За окном выла метель.

— Послушайте, пожалуйста. Появившись в школе, вы, Аласов, систематически и целенаправленно разваливаете коллектив. Есть много тому доказательств. Самый свежий пример — сегодняшняя истерика юноши Сектяева, существа вообще робкого и благоразумного. Прямой результат вашего, Сергей Эргисович, хождения по квартирам учителей, собирания компрометирующих сведений у школьников. Мы по кирпичику, по жердочке и соломинке строили этот дом! Тут вся жизнь — и моя, и вот Фёдора Баглаевича. И мы не дадим, — голос Пестрякова зазвенел, — не дадим в один момент разрушить всё!

— Я требую одного — чтобы мне ответили по поводу дутых отметок. Только о них сейчас речь, — упрямо повторил Аласов.

— Дутые отметки? — переспросил Пестряков как бы даже с удивлением. — А вот это уже чистый поклёп, милейший... Впрочем, что вам доказывать! Нахов, ваш друг, сегодня справедливо сказал: если на советском производстве наблюдаются факты очковтирательства, обман государства, об этом необходимо

прямым путём сообщать в соответствующие органы. Пожалуйста — роно, райком, наконец, прокуратура...

— Тимир Иванович, я ведь к вам и к Фёдору Баглаевичу с открытой душой. Говорят же: что не удаётся топором — удаётся советом, а вы даже обернуться не желаете в мою сторону! Но если мы здесь не поймём друг друга...

— Тогда? — насмешливо спросил Пестряков. — Боже, что же нам тогда будет?

— Плохо будет, — сказал Аласов.

— Война?

— Если угодно.

— Ой нет, — легонько покачал головой завуч, поглядывая на Аласова сквозь очки. — Нет, Сергей Эргисович, никакой войны не будет. Не станем мы дожидаться боевых действий. Мы вас просто выгоним.

— Как... выгоним?

— А вот так. В самом прямом смысле слова. За неблагоприятные действия, за методы, несовместимые со званием педагога... Ко всему — факты по личной линии. Слишком явственно пышет от вас ненавистью... Впрочем, всё это мы ясно обоснуем в приказе по школе...

— Вы это серьёзно? — Аласов был огорошен услышанным. — Фёдор Баглаевич, вы действительно так решили насчёт меня?

Шея директора побагровела, по лицу его было видно, что решение Пестрякова и для него новость. Но сказал он всё-таки то, что от него требовалось:

— Да, Серёжа, ничего у нас с тобой не получается. Я ведь предупреждал... Ты извини, не со зла всё это, такие уж обстоятельства... — он помялся, подёргал щекой. — Тимир Иванович, конечно, несколько сгустил. Оба вы горячи... Приказа, марания трудовой книжки — ничего такого не нужно... Отпустим тебя с миром. В какую школу захочешь, туда и пойдёшь.

— Согласен, — поспешил поддержать его завуч. — Есть простейшее решение: по собственному желанию. Напишите заявление в роно, придумайте мотив какой-нибудь по своему усмотрению. Остальное беру на себя.

— И здесь от надувательства не удержались! — горько усмехнулся Аласов.

— Вам смешно, Сергей Эргисович? В таком случае — спокойной ночи. Мы терпели до поры, уговаривали. Но, видно, не судьба нам под одной крышей. Всё, что нужно было сказать, вам уже сказано. Срок — до конца текущей четверти...

— Не выйдет... Не рассчитывайте! Из этой школы я никогда не уйду.

— Уйдёшь!.. — сказал Тимир Иванович сквозь зубы. — Прогоним заледенелой жердью!

— Вот теперь всё ясно, — сказал Аласов в дверях, надевая пальто. — Никакого тумана. Спасибо за откровенность.